

Линь Куншань невольно усомнился: — Что?

Разве то, что ему подмешали ранее, не было обычным снотворным?

Если же это было что-то другое — первой реакцией Линь Куншаня было: — Наркотики? Галлюциногены?

Он тут же покачал головой: — Вряд ли. Бар Мусэ открылся только сегодня, владелец вряд ли рискнет использовать столь опасные вещества в первый же день.

Однако это предположение все еще казалось неполным. Лишь увидев, что Шан Лое продолжает хмуриться, Линь Куншань вдруг осознал истину и смутно догадался, о чем идет речь.

— Ты хочешь сказать... стимуляторы?

На этот раз Шан Лое не стал отрицать.

— В некоторых сомнительных барах и клубах подобный бизнес процветает. Стимулирующие препараты могут продаваться под видом биологически активных добавок, хотя их действие гораздо мощнее обычных галлюциногенов.

Это было правдой. Хотя Линь Куншань не был близко знаком с подобными вещами, в индустрии развлечений хватало своих причуд, и он был наслышан о разного рода непотребствах.

Тем не менее Линь Куншань снова покачал головой.

— Если бы я действительно соприкоснулся с подобным веществом, мой организм отреагировал бы мгновенно.

В конце концов, такие препараты всегда напрямую влияют на частоту сердечных сокращений.

Услышав это, Шан Лое не только не убедился, но и нахмурился еще сильнее.

— Если реакция уже проявится, не будет ли слишком поздно?

Даже несмотря на то, что каждое движение бровями отзывалось болью в ране на виске, холодный и резкий юноша не обратил на это внимания. Он тут же собрался встать.

— Я вызову машину и отвезу тебя в больницу. Сделаем обследование прямо сейчас.

На этот раз Линь Куншань, напротив, остановил его: — Не нужно.

Когда Шан Лое попытался подняться, Линь Куншань среагировал молниеносно и поднял руку, не позволив тому задеть рану при попытке встать. Почти подсознательно Линь Куншань положил ладони на крепкие плечи юноши и мягко, но уверенно надавил, заставляя его сесть обратно.

— Осторожнее.

Только закончив движение, Линь Куншань вдруг осознал, что поступил несколько опрометчиво.

Но самым удивительным было то, что Шан Лое, который был гораздо сильнее его, действительно позволил себя усадить.

Юноша поднял взгляд, его красивое холодное лицо выражало явное недовольство.

Однако спросил он лишь одно:

— Почему не хочешь идти?

Он даже словом не обмолвился о том, что его только что принудительно усадили обратно.

— Прошу прощения, — Линь Куншань сначала извинился за свою бестактность, а затем добавил: — У меня пока нет никаких симптомов. Плохое самочувствие могло возникнуть из-за спешки по дороге, а также из-за того, что на вечеринке я выпил немного виски — алкоголь оказал свое стимулирующее действие.

Юноша слегка потянул за манжет, обнажая тонкое, бледнее самой рубашки запястье, и показал умные часы.

— У часов есть мониторинг сердечного ритма. Если показатели действительно станут нестабильными, они меня предупредят.

Сказав это, Линь Куншань посмотрел на лоб юноши и бессознательно закусил мягкую нижнюю губу.

В его голосе слышалась тревога:

— Не двигайся, иначе рана снова начнет кровоточить.

Линь Куншань осторожно и внимательно осмотрел повреждение. К счастью, рана была хоть и длинной, но неглубокой, и крови вытекло немного. Сейчас поверхность уже затягивалась тонкой пленкой, и новая кровь больше не выступала.

Пока он внимательно осматривал рану, Шан Лое не сводил с него тяжелого взгляда.

Он пристально смотрел на неестественно бледное лицо юноши.

Если дело действительно не в наркотиках, то что же так повлияло на состояние Линь Куншаня? Внезапно Шан Лое спросил невпопад:

— Ты ведь не расскажешь ей об этом?

Вопрос прозвучал неожиданно. Услышав его, Линь Куншань отвел взгляд от раны и с недоумением посмотрел в глаза Шан Лое.

— М?

Холодный юноша, который обычно всегда смотрел прямо на собеседника, на этот раз слегка отвел взгляд, словно признавая свою неправоту.

Помедлив, он произнес:

— Она не любит, когда я хожу по барам.

Линь Куншань сразу понял, о ком речь. Шан Лое не стал бы так спокойно говорить о своем отце. Значит, речь шла о его матери, Ло Су.

Линь Куншань немного помедлил, но Шан Лое уже добавил:

— Лучше решить это между нами.

Линь Куншань замолчал на мгновение, а затем ответил: — Хорошо.

Его заминка была вызвана тревогой, затаившейся в глубине души: он пришел сюда по приглашению своего учителя, чтобы присматривать за его сыном. А в итоге сам же его и поранил.

Теперь, обдумав все, Линь Куншань признал: Шан Лое прав.

С одной стороны, Линь Куншань понимал, что не должен нарушать волю другого человека; будучи подчиненным, он не должен докладывать кому-то другому, минуя указания начальника.

С другой стороны, учитель все еще восстанавливался, и подобные новости могли негативно сказаться на его самочувствии.

Поэтому Линь Куншань согласился: пусть все останется между ними.

Он подумал: когда все уладится, он принесет учителю искренние извинения.

Шан Лое, который до этого отводил взгляд, снова посмотрел на него. Глядя на юношу, он убедился: после этого разговора глубоко скрытое беспокойство в глазах Линь Куншаня наконец исчезло. Казалось, даже его губы перестали выглядеть такими сухими, как прежде.

Успокоившись, Линь Куншань стал более рассудительным и вернулся к прерванной теме:

— После того как ты вызвал полицию, как ты нашел меня в этом караоке?

— Я боялся, что те люди у входа в бар хотят тебе навредить, поэтому хотел войти и найти тебя, — ответил Шан Лое. — Но главный вход в Мусэ был заблокирован двумя конфликтующими группами людей, я не мог пройти, поэтому решил поискать другой путь. Когда я обошел бар и оказался в переулке, я случайно увидел тебя. Я заметил, как ты перемахнул через стену, и пошел следом, так я и нашел это караоке.

Вот почему Шан Лое появился так быстро — вскоре после того, как Линь Куншань запер дверь в кабинку, раздался стук.

Линь Куншань слегка замер:

— Ты видел, как я перелезал через стену?

Он действительно беспокоился, что кто-то мог заметить его, когда он прыгал через ограждение. Только он не ожидал, что этим человеком окажется Шан Лое.

Юноша не стал кивать, а лишь сказал:

— Было слишком темно, я не разглядел лица.

Говоря это, Шан Лое поднял взгляд. Он все еще сидел на диванчике, и хотя обычно держал спину прямо, сейчас, по сравнению со стоящим Линь Куншанем, между ними была разница в высоте.

Поэтому, когда Шан Лое посмотрел прямо перед собой, его взгляд уперся в тонкую, гибкую талию юноши. Линь Куншань был одет в приталенную рубашку, которая подчеркивала его стройную фигуру и четкие линии тела. Плавная линия от бока слегка уходила внутрь, а ниже снова изящно изгибалась.

Эта впадина на узкой талии выглядела настолько отчетливо и соблазнительно, что так и хотелось протянуть руку и обхватить эту тонкую, теплую плоть.

Спустя долгое мгновение Шан Лое снова заговорил, его голос звучал как обычно:

— Я просто увидел, что у того человека очень тонкая и гибкая талия, поэтому догадался, что это, возможно, ты.

Линь Куншань слегка опешил.

Смотрел на талию...?

Разве можно было догадаться по этому?

Не успел Линь Куншань задуматься об этом, как услышал новый вопрос Шан Лое:

— Где твое пальто?

Шан Лое спросил это с такой серьезностью, что Линь Куншань переключил внимание:

— Когда я покидал Мусэ, меня преследовали несколько человек. Я повесил пальто на углу в противоположном направлении, чтобы сбить их со следа.

Пальто пришлось оставить. К счастью, в кабинке было тепло, и ночной ветер был не страшен.

— В том переулке я тоже слышал чьи-то шаги, — сказал Шан Лое. — Я предположил, что у той группы, что блокировала вход, могут быть сообщники. Боялся, что тебя могут перехватить, поэтому попросил официанта постучать в дверь.

Он боялся, что сообщники могли уже захватить Линь Куншаня, и тот не откроет дверь. К счастью, с Линь Куншанем все было в порядке.

Упоминание об открытии двери заставило Линь Куншаня на мгновение замолчать. В конце концов, это он ошибся, приняв гостя за преследователя, и случайно ранил его.

Однако не успел Линь Куншань снова погрузиться в чувство вины, как Шан Лое спросил:

— Кто эти люди, которые преследовали тебя?

Линь Куншань еще не успел сформулировать ответ, как Шан Лое догадался сам:

— Люди Цинь Цзюня?

Линь Куншань помедлил и кивнул: — Да.

— Как ты догадался...

— Ты так долго работал, и со всеми был в хороших отношениях.

Взгляд Шан Лое стал холодным, в его красивых, острых глазах вспыхнула ледяная ярость. Сегодня вечером он столкнулся с таким количеством неприятностей: слезка, удар бутылкой, ранение. По идее, он должен был быть в ярости еще раньше. Но только сейчас Шан Лое по-настоящему обнажил свой ледяной гнев.

— Кроме Цинь Цзюня, который не хочет тебя отпускать, кто еще может быть тобой недоволен?

Линь Куншань посмотрел на него, мгновение подумал и решил быть откровенным:

— Цинь Цзюнь стал зависеть от меня в работе, и его отец очень этим недоволен. Он всегда хотел избавиться от меня как от источника риска.

Если бы он разговаривал с кем-то другим, Линь Куншань ни за что не стал бы так откровенно рассказывать правду. Обсуждать конфликты с бывшим начальником перед новым — табу в деловой среде. Линь Куншань никогда не испытывал потребности излить душу другим.

Но Шан Лое был не просто его новым начальником, он был сыном человека, которого Линь Куншань уважал больше всех. К тому же, только что Шан Лое сам заговорил о своих семейных секретах, доверившись ему. Поэтому Линь Куншань перестал скрывать.

Он нарушил свое правило и заговорил о личном:

— Семья Цинь решила расправиться со мной, используя Чэнь Фэна — бывшего однокурсника, с которым мы учились вместе с Цинь Цзюнем. Чэнь Фэн пригласил меня на встречу. Во время вечеринки кто-то украл мой телефон и скопировал все данные. Позже, когда Чэнь Фэн пришел уговаривать меня выпить, он протянул мне бокал с чем-то странным. Я не притронулся к нему.

Линь Куншань достал из внутреннего кармана маленький предмет. Шан Лое увидел, что это полупрозрачная коробочка для таблеток. Внутри не было лекарств, лишь кусочек бумажной

салфетки, а на дне скопилось немного жидкости.

— Это образец того подозрительного напитка, — сказал Линь Куншань. — Если отдать на экспертизу, можно будет выяснить, что именно туда подмешали.

— Ты пропитал салфетку и положил ее внутрь? — спросил Шан Лое.

Линь Куншань кивнул: — Салфетка — это фирменная вещь бара, на уголке даже есть название Мусэ. Это прямое доказательство, которое позволит точно указать на Чэнь Фэна.

Невольно приходила мысль: кто бы ни общался с Линь Куншанем, он всегда будет поражаться его невероятному хладнокровию и умению справляться с кризисными ситуациями.

Линь Куншань продолжал:

— Хотя я не знаю, было ли это приказом семьи Цинь или личной инициативой Чэнь Фэна, эти доказательства вряд ли затронут саму семью Цинь.

В конце концов, семья Цинь была слишком осторожна и не стала действовать открыто. Даже Цинь Цзюнь не появился на вечеринке, не желая быть замешанным.

Однако на лице Линь Куншаня не было ни разочарования, ни досады, лишь привычное спокойствие.

— Больше всего семью Цинь интересовал мой телефон. Я был готов к этому: на всех приложениях стояла блокировка, так что даже при полном копировании данных войти в аккаунты с другого устройства невозможно. Попытка взлома защиты вызвала бы уведомление, поэтому, скорее всего, они анализируют файлы.

Юноша говорил четко и последовательно:

— Большинство файлов в телефоне для них бесполезны, но в папке с резервными копиями WeChat сохранились подробные данные. Это ключевые доказательства против Сун Жэня — о том, что его заводы продолжали работать после истечения срока действия лицензии.

Сун Жэнь был биологическим отцом Линь Куншаня. Линь Куншань не стал вдаваться в детали их отношений, но то, что он рассорился с отцом, не было секретом для учителя. Ло Су знала об этом, и Шан Лое, должно быть, тоже был в курсе.

Так и оказалось, Шан Лое сразу все понял:

— Заводы Сун Жэня тоже находятся в Юэчэне?

Линь Куншань кивнул: — Да. Семья Цинь имеет там большое влияние. Как только они получают эти доказательства, они непременно нанесут по Сун Жэню сокрушительный удар.

И именно в этом заключалась цель Линь Куншаня: он предвидел это и намеренно пошел на риск. Семья Цинь на самом деле мало что знала о его биологическом отце.

— Когда отец Цинь Цзюня вызывал меня для предупреждения, я прямо сказал ему: обо всем остальном можно договориться, но одно условие должно быть соблюдено. Больше всего я дорожу своей семьей.

У Линь Куншаня было лицо, обласканное богами. Его внешность не просто привлекала, она заставляла людей подсознательно доверять ему — и тех, кто его любил, и тех, кто ненавидел.

— Я умолял отца Цинь проявить милосердие. Особенно просил не причинять вреда моему глубоко уважаемому отцу.

Линь Куншань говорил это так тихо и мягко, что даже сейчас, не зная правды, можно было подумать, что его связывают с отцом глубокие чувства.

Более того, это был не единственный разговор. Его последующие реакции убедили семью Цинь, особенно Цинь Чжигана, который видел его лично: чтобы отомстить Линь Куншаню, нужно ударить по его отцу.

— Я надеюсь, что украденные сегодня данные благополучно попадут к семье Цинь и будут использованы ими по полной программе.

Закончив, Линь Куншань умолк. В комнате воцарилась тишина.

Он знал, что, хотя все это касалось его личных дел, риск был огромен. Если бы Шан Лое судил как старый знакомый, он мог бы понять, что Линь Куншань вовсе не такой уж святой, а расчетливый человек. А если бы Шан Лое судил как начальник, то начал бы опасаться такого хитрого подчиненного.

Это было исключительное признание, и Линь Куншань был готов к любым последствиям. Если тот будет недоволен, он может уволить его в любой момент.

Однако реакция Шан Лое оказалась совсем не такой, как предполагал Линь Куншань.

Юноша по-прежнему выглядел холодно, но в его глазах не было ни капли недовольства. Напротив, он смотрел на Линь Куншаня с таким сложным, трудночитаемым выражением, что

тот не мог его понять.

Если бы Линь Куншань все еще работал агентом и изучал фанатов, он бы понял, что этот взгляд означает:

«Это так круто».

Но Линь Куншань не считал это, а сам Шан Лое, редко проявлявший эмоции, просто отвел взгляд.

Юноша серьезно сказал:

— Я многому научился.

Линь Куншань: «...»

Он не ожидал, что у того не возникнет никакой негативной реакции.

Казалось, он даже... восхищается им?

Линь Куншань вспомнил, что у Шан Лое тоже были сложные отношения с отцом. Возможно, он действительно мог понять его действия.

Шан Лое добавил: — Как приедет полиция, сначала разберемся с баром.

Линь Куншань кивнул: — Хорошо, я этим займусь, а ты иди обработай рану.

Не успел он закончить, как Линь Куншань вдруг замер и посмотрел на дверь.

Секунды две спустя в дверь кабинки с силой ударили. Из-за поврежденного замка она не открылась.

Затем последовал еще один мощный удар.

С грохотом дверь распахнулась, и внутрь ворвался человек.

<http://bllate.org/book/20054/1982707>